

УДК 140.8(38)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-183-199

Проблемы эволюции этико-политических взглядов Антифонта в связи с хронологией его творчества

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; isurikov@mail.ru*

Аннотация. Антифонт являлся крупной фигурой афинской общественной жизни и общественной мысли второй половины V в. до н. э. В статье ставится вопрос: изменялись ли с течением времени его взгляды в этической и особенно политической сфере? В конце своей карьеры Антифонт выступал как решительный противник демократии, а в 411 г. до н. э. он, как известно, стал одним из лидеров олигархического переворота в Афинах и установившегося в его результате режима Четырехсот (за что и был казнен после свержения этого правительства). Автор исходит из следующей хронологии сочинений Антифонта: «Тетралогии» и «Об истине» – 440-е гг. до н. э., «О согласии» – 430-е или 420-е гг. до н. э., судебные речи – 410-е гг. до н. э. Делается вывод о том, что хотя в области этики Антифонт в раннем трактате «Об истине» высказал весьма нетрадиционные, даже эпатирующие своим цинизмом взгляды, в позднейших сочинениях он придерживался более консервативных воззрений. Что же касается его политической позиции, то по-настоящему демократической она никогда не была. Антифонт был и оставался противником демократии и сторонником олигархии, возможно, постепенно превращаясь из более умеренного олигарха в более радикального.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, Антифонт, демократия, олигархия, софисты, риторика, философия

Для цитирования: Суриков И.Е. Проблемы эволюции этико-политических взглядов Антифонта в связи с хронологией его творчества // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. Ч. 2. С. 183–199. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-183-199

© Суриков И.Е., 2023

On evolution of Antiphon's ethical and political views in regard to the chronology of his work

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

isurikov@mail.ru

Abstract. Antiphon was a significant figure in Athenian public life and social thought of the last half of the 5th century B.C. The article raises a question whether his opinions in ethical and especially political sphere changed. with the course of time. In his late career, Antiphon acted as a staunch opponent of democracy, and in 411 BC he is known to have co-lead an oligarchic coup in Athens and the resulting regime of the Four Hundred (for which he was executed after the overthrow of this government). The author proceeds from the following chronology of Antiphon's work: "Tetralogies" and "On the truth" – 440s B.C., "On the concord" – 430s or 420s B.C., forensic speeches – 410s B.C. There are the following conclusions. In the field of ethics, Antiphon in his early treatise "On the truth" expressed some non-traditional opinions, which were even shocking for their cynicism, but in his later works he held more conservative views. As to his political position, it was never really democratic. Antiphon was and remained an opponent of democracy and proponent of oligarchy; it is possible that he gradually changed from a more moderate oligarch to a more radical one.

Keywords: Classical Greece, Athens, Antiphon, democracy, oligarchy, Sophists, rhetoric, philosophy

For citation: Surikov, I.E. (2023), "On evolution of Antiphon's ethical and political views in regard to the chronology of his work", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, part 2, pp. 183–199, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-183-199

Об Антифонтe как крупной фигуре афинской общественной жизни и общественной мысли второй половины V в. до н. э. автору этих строк приходилось писать неоднократно (см. основные наши статьи по этой тематике: [Суриков 2018, с. 628–704; Суриков 2021, с. 567–686]), при этом всегда исходя из того, что Антифонт-оратор и Антифонт-софист – одно и то же лицо. Это удалось с предельной доказательностью продемонстрировать видному американскому историку греческого права Майклу Гагарину [Gagarin 2002]. Конечно, нельзя сказать, что его доводы убедили всех без исключения. Изредка продолжают звучать возражения [Pendrick 2002], но это уже скорее «арьергардные бои».

А в данной работе нам хотелось бы поставить вопрос: изменялись ли с течением времени взгляды Антифонта в этической и особенно политической сфере? Что касается последней – одно, во всяком случае, совершенно ясно: в конце своей карьеры интересующий нас мыслитель и государственный деятель выступает как решительный противник демократии (по крайней мере, радикальной демократии «постперикловской чеканки»). В 411 г. до н. э. он, как известно, стал одним из лидеров олигархического переворота в Афинах и установившегося в его результате режима Четырехсот (за что и был казнен после свержения этого правительства). Всегда ли Антифонт стоял на таких позициях?

Заметим сразу: далеко не факт, что на этот вопрос в принципе возможно дать абсолютно обоснованный ответ. Скорее всего, любые выводы здесь останутся гипотетическими. Но если мы все-таки хотим попытаться разобраться в проблеме, единственным надежным способом сделать это будет рассмотрение с соответствующей точки зрения литературного наследия Антифонта, причем в хронологической последовательности. Удастся ли установить таковую?

Согласно выкладкам того же М. Гагарина на сей счет (а мы с ними в целом солидарны, за исключением некоторых нюансов, которые будут оговорены ниже), самые ранние произведения интересующего нас автора были созданы в 440-х гг. до н. э. Это три «Тетралогии» (дошли в составе корпуса речей Антифонта как речи II, III и IV) и философский трактат «Об истине» (сохранился фрагментарно). Позже – вероятно, в 430-е гг. до н. э. – им был создан второй философский трактат, «О согласии» (от которого в нашем распоряжении тоже имеются лишь фрагменты).

Затем наш герой начал писать речи для клиентов как логограф (о ремесле логографа, первым представителем которого был именно Антифонт, см.: [Lavensy 2007]). Произошло это, когда он был уже в летах (родился в 480 г. до н. э.), а именно не ранее 420-х гг. до н. э. [Gagarin 2002, p. 180] или даже, скорее, не ранее рубежа 420–410-х гг. до н. э. [Avery 1982, p. 157]. Из этих судебных речей полностью сохранились три. Относительно времени их составления в историографии нет абсолютного единомыслия. Для речи I «Против мачехи» предлагались следующие датировки: первая половина 410-х гг. до н. э. [Dover 1950, p. 44], период между 420 и 411 гг. до н. э. [Gagarin, MacDowell 1998, p. 10]. Для речи V «Об убийстве Герода»: период между 427 и 412 гг. до н. э. [Schindel 1979, p. 6], между 423 и 414 гг. до н. э. [Heitsch 1980, p. 32], время около 414 г. до н. э. [Dover 1950, p. 44], около 417 г. до н. э. [Gagarin, MacDowell 1998, p. 48]. Наконец, речь VI «О хоревете» в прошлом, случалось, относили к 412 г. до н. э. [Freeman 1952, p. 85], но ныне ее

практически без колебаний считают произнесенной в 419/418 г. до н. э. [Dover 1950, p. 44; Heitsch 1980, p. 3, Heitsch 1984, p. 90; Gagarin, MacDowell 1998, p. 73], поскольку в пользу этого нашлись, можно сказать, неопровержимые доводы.

Итак, определенные расхождения, как видим, существуют; впрочем, они не столь уж и существенны. Важнее то, что в целом достигнуто согласие по двум более принципиальным вопросам. Во-первых, судебные речи являются самыми поздними произведениями Антифонта. Во-вторых, их относительная хронология (а в контексте рассмотрения взглядов автора она куда более важна, чем абсолютная) такова: «О хоревете», «Против мачехи», «Об убийстве Герода».

Кроме речей, имеющихся в нашем распоряжении целиком, у Антифонта было немало и других (от которых дошли только фрагменты), среди которых встречаются и политические по содержанию (ясно, что на материале текстов, не относящихся к политике, трудно делать какие-либо выводы о политических воззрениях того, кто их написал). Из этих последних совершенно точно датируется речь «О перевороте»: она была произнесена самим автором в собственную защиту на суде, который тем не менее завершился для него смертным приговором, а процесс этот имел место в 411 г. до н. э. Для других датировка либо вообще невозможна («О форосе линдийцев», «О форосе самофракийцев»), либо предельно расплывчата. Так, речи, в которых упоминаются такие политики, как Алкивиад, Филин, Эрасистрат, Лесподий, должны относиться к времени их деятельности, т. е. к 410-м гг. до н. э. (некоторые из них продолжали свою карьеру и в 400-е, но тогда уже не было в живых Антифонта).

Итак, рассматривая сочинения нашего автора, будем двигаться в примерно установленном нами хронологическом порядке. В «Тетралогиях» – имитациях речей, написанных, по мнению разных исследователей, либо с риторическими, либо с философскими целями, – политическая составляющая отсутствует. Да иначе и быть не может: ведь действие в них разворачивается не в Афинах, а в некоем вымышленном городе. Что касается этических идей «Тетралогий», в них нет ничего оригинального – они отражают традиционную народную этику греков V в. до н. э.

Из трактата «Об истине» происходит знаменитый фрагмент (Antiph. fr. B44 DK, открыт на папирусе), нередко называемый циничным, поскольку в нем излагается предельно прагматичная мораль. В этом фрагменте есть, в частности, следующие слова: «...Человек может пользоваться справедливостью с наибольшей выгодой для себя, если при свидетелях будет высоко ставить зако-

ны, а в отсутствие свидетелей – требования природы. Ибо то, что связано с законами, – искусственно, а то, что связано с природой, – необходимо. И то, что связано с законами, существует по соглашению людей, а не искони, а то, что связано с природой, – искони, а не по соглашению людей. Итак, если преступающий установления сделает это тайно от тех, кто установил соглашение, он свободен от бесчестия и наказания, а если не тайно – то не свободен... Во всяком случае, по причине этого же есть рассуждение, согласно которому многое из того, что справедливо по закону, враждебно по отношению к природе... Природе ничуть не ближе и не свойственнее то, от чего законы отвращают людей, чем то, к чему они их обращают. Опять же, жить и умирать – это от природы, и живут от того, что приносит пользу, а умирают от того, что не приносит пользу. А само это приносящее пользу, если оно установлено законами, является оковами природы, а если установлено природой – то свободно. Строго говоря, огорчение полезно для природы вовсе не больше, чем веселье, и печаль, возможно, вовсе не больше приносит пользы, чем радость: ибо воистину полезное должно не вредить, а помогать... Если бы была какая-нибудь помощь от законов тем, кто это одобряет, тем же, кто не одобряет, а противится, – урон, повиновение законам было бы не бесполезно. Но ныне оказывается, что тем, кто это одобряет, законом не обеспечивается достаточная справедливость... По природе все рождены во всём подобными, и варвары, и эллины. Судить же об этом позволяют естественные потребности всех людей: ведь они у всех удовлетворяются с помощью одних и тех же способностей, и в этом отношении никто из нас не определяется как варвар или эллин...»

С.Я. Лурье именно на основании этого фрагмента считал софиста Антифонта (которого он отличал от оратора Антифонта, консерватора с олигархическими симпатиями) радикальным демократом и даже первым в истории анархистом [Лурье 1925]. Впрочем, как отмечалось в начале статьи, на сегодняшний день точку зрения о двух Антифонтах – «правом» и «левом» – можно считать опровергнутой. С ней, кстати, входит в противоречие и тот факт, что в следующем философском трактате Антифонта – «О согласии» – высказываются мысли не только далекие от анархизма, но и, по сути, ему противоположные. К этому произведению мы сейчас и переходим.

«Нет для людей ничего хуже безвластия (*ἀναρχίας*); зная это, прежние люди с самого начала приучали детей повиноваться и делать, что им приказывают, чтобы они, повзрослев, не растерялись, когда случится большая перемена» (*Antiph. fr. B61 DK*). Мог ли такое написать анархист? «О согласии» – труд и в целом далеко

не столь радикальный, как «Об истине», его идейное содержание куда консервативнее, куда более ориентировано на традиционные ценности: правильное воспитание, повиновение законам. Приведем в подтверждение еще несколько цитат.

«Воспитание, считаю я, – первое из того, что есть в людях: ибо, когда правильно сделают начало хоть какого-нибудь дела, вероятно, что и конец будет правильным. Ведь и какое посеют в землю семя, такие и всходы следует ожидать. И, когда посеют в юное тело благородное воспитание, тело живет и цветет на протяжении всей жизни, и ни дождь, ни засуха этого не отнимут» (Antiph. fr. B60 DK). «Но и согласие, во всяком случае, представляется величайшим благом для городов, и чаще всего в них советы старейшин и лучшие мужи увещевают граждан сохранять согласие; и повсюду в Элладе существует закон – гражданам клясться, что они будут в согласии, и повсюду приносят эту клятву. Я же считаю, что это заключается не в том, чтобы граждане присуждали победу одним и тем же хорам, или восхваляли одних и тех же флейтистов, или предпочитали одних и тех же поэтов, или радовались одному и тому же, а в том, чтобы они повиновались законам. Ибо когда граждане им следуют, города становятся более сильными и богатыми; а без согласия ни городом невозможно хорошо управлять, ни домохозяйство хорошо вести» (Antiph. fr. B44a DK).

Обратим особое внимание на пассаж, процитированный последним. Это просто какой-то панегирик законам, приходящий в полное противоречие с откровенным пренебрежением к ним, которое проявляется во фрагменте B44 – там ведь фактически сказано, что законы можно и не соблюдать, если нет свидетелей. Противоречие должно быть как-то объяснено. Возможны два способа такого объяснения. Первый заключается в том, чтобы рассматривать творчество Антифонта в контексте софистического движения, к которому он принадлежал. Софистам с их релятивизмом, как известно, было присуще демонстративное «жонглирование» идеями. Признаком высшего уровня в их среде считалось вначале убедительно доказать перед слушателями какой-либо тезис, а потом столь же убедительно его опровергнуть.

Так, один из крупнейших софистов – Протагор – писал (к сожалению, не сохранившиеся) «антилогии» – речи, направленные друг против друга, с аргументацией в пользу полярно противоположных точек зрения. В том же ряду стоит и ряд других памятников второй половины V в. до н. э.: анонимный трактат «Двойкие речи» (Δισσοὶ λόγοι), созданный каким-то неизвестным софистом, сочинение Продика «Геракл на распутье» (Xen. Mem., II, 1, 21 sqq.), а также, по большому счету, даже и «Афинская политика»

псевдо-Ксенофонта¹. Из произведений самого Антифонта к этой традиции примыкают упоминавшиеся ранее «Тетралогии» (хотя их структура несколько сложнее).

Значит, отстаивание несовместимых друг с другом идей в трактатах «Об истине» и «О согласии» – софистическая псевдополемика? Но таковая возможна – в чем и заключается уязвимость данного тезиса – в одном тексте или, если в двух разных, то созданных примерно в одно время. Иначе она просто не будет замечена. А вышеназванные труды разделяет десятилетие или больше. Следовательно, нужно принимать во внимание и другую возможную причину расхождений между ними – именно эволюцию взглядов мыслителя.

Здесь нужно отметить следующее. В связи с вопросом о политической позиции софистов в целом существуют две основные точки зрения. Одна традиционна (восходит, пожалуй, к Дж. Гроту²) и заключается в том, что эти философы всегда последовательно придерживались демократических позиций³. Вторую относительно недавно выдвинул Р. Уоллес [Wallace 1998; Wallace 2007], утверждающий, что в развитии софистического движения было два этапа, а рубежной датой выступает 430 г. до н. э., после которого взгляды софистов становятся менее демократичными и, соответственно, отношение к ним со стороны афинской демократии – менее благоприятным.

Нам представляется более близким к истине именно это последнее мнение. Более чем закономерно, что главным притягательным центром софистического движения были Перикловы Афины с их «просвещенной демократией». Но после Перикла на смену этой «просвещенной демократии» как-то уж очень стремительно пришла «непросвещенная». Лидер ее радикального крыла – Клеон – откровенно заявлял: «Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. Ведь те желают казаться умнее законов» (Thuc., III, 37, 3–4). Лидер ее уме-

¹ На «диалогичный» характер этого последнего сочинения редко обращают внимание, считая обычно его направленность чисто олигархической. На самом деле ситуация сложнее, на что справедливо указано, например, в [Туманс 2004].

² Ссылаемся на очередное переиздание его классического труда: [Grote 2001, 408 ff.].

³ Один из последних примеров манифестации данного мнения: [Gagarin 2002, p. 11].

ренного крыла – Никий – хоть и не позволял себе подобных высказываний, но думал, без сомнения, точно так же; во всяком случае ему гораздо ближе было общество гадателей и прорицателей, чем общество философов. Не может не броситься в глаза резчайший контраст с Периклом, который мог провести целый день в беседе с Протагором на довольно абстрактную тему – о принципах причинности (Plut. Pericl. 36).

Началась самая настоящая реакция: отношение к софистам и прочим «безбожникам» радикально ухудшилось, прошел ряд судебных процессов, направленных против них. Соответствующим образом изменилась и позиция интеллектуалов. Ясно, что охлократические и обскурантистские тенденции, наметившиеся в Афинах в период Пелопоннесской войны, никоим образом не могли приветствоваться такими рафинированными интеллектуалами, как представители софистического движения (одним из которых был Антифонт).

Правда, напомним, трактат Антифонта «О согласии» обычно датируют 430-ми гг. до н.э., когда Перикл еще стоял во главе Афин. Однако, во-первых, отторжение демосом рационалистической философии началось уже в последние годы его жизни (хотя и явно вопреки его воле), как раз в конце 430-х гг. до н. э. Достаточно вспомнить псефисму Диопифа «о том, чтобы люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, были привлекаемы к суду как государственные преступники» (Plut. Pericl. 32), судебные процессы Анаксагора, Аспасии и др. [Суриков 2002, с. 86–93]. Во-вторых, строго говоря, 430-е гг. до н. э. для сочинения, о котором идет речь, является датировкой в достаточной мере условной. Хронологически оно следует за трактатом «Об истине» (440-е гг. до н. э.) и предшествует судебным речам (410-е гг. до н. э.). Иными словами, ничто не мешает считать трактат «О согласии» относящимся как к 430-м, так и к 420-м гг. до н. э.

Перейдем теперь как раз к речам, самым поздним текстам Антифонта. В речи I «Против мачехи» политические мотивы вообще не затрагиваются. В речи V «Об убийстве Герода» они подспудно звучат, что заключается в следующем. Клиент оратора Евксифей, обвиняемый в убийстве (но отрицающий причастность к нему), является гражданином Митилены – полиса, союзного Афинам, но в 428 г. до н. э. поднявшего против них восстание. Это восстание было жестко подавлено афинскими вооруженными силами, и с тех пор афиняне относились к митиленянам негативно, на чем и попытались сыграть обвинители Евксифея, стремясь вызвать в судьях раздражение против него. А Антифонт, как видим, пишет для него защитительную речь. Защита граждан союзных полисов,

подвергавшихся третированию со стороны афинского демоса, вообще была характерным приемом, использовавшимся оппонентами радикальной демократии в Афинах.

Далее, в речи VI «О хоревете» политические мотивы особенно сильны. В данном случае клиент Антифонта (имя неизвестно) – явно его единомышленник, человек консервативных взглядов и враг демагогов, ведущий с ними ожесточенную борьбу. В речи упоминаются демагоги Филин, Аристион, Ампелин (Antiph. VI. 12, 26, 35). Из них лучше других известен Филин, который, как выяснилось относительно недавно из надписей на остраконах для остракизма [Суриков 2004, с. 59–60], был братом Клеофонта – знаменитейшего демагога конца V в. до н. э. (о Филине см.: [Raubitschek 1954]; о Клеофонте см.: [Vanderpool 1952]). Из речи «О хоревете» явствует, что подзащитный Антифонта выступил против демагогов с тяжким судебным обвинением, а они, желая от него избавиться, инициировали процесс – по надуманному поводу, как утверждает в речи – против него самого (обвиняемый по одному делу не мог быть в то же время обвинителем по другому).

Итак, из полностью сохранившихся речей Антифонта именно эта предстает перед нами по содержанию наиболее политизированной, а по духу – наиболее антидемократической. А между тем она же, как отмечалось выше, является и самой ранней из этих трех речей (419/418 г. до н. э.). Выходит, что наш автор уже в начале 410-х гг. до н. э. выступает как сформировавшийся сторонник олигархии; в дальнейшем, вплоть до казни, он оставался на тех же позициях. Из сказанного ясно, что по материалам речей I, V, VI проследить эволюцию политических воззрений Антифонта в последнее десятилетие его жизни не представляется возможным: ко времени написания текстов, о которых идет речь, эти воззрения (повторим, антидемократические и олигархические) уже сложились и не эволюционировали.

Кстати, в связи с вышеупомянутым демагогом Филином, который в речи «О хоревете» изображен в сугубо негативных тонах, не можем не отметить, что Антифонтом была написана и специальная речь «Против Филина». От нее, к сожалению, дошло до нас лишь несколько небольших фрагментов, к тому же почти все они не являются информативными, но один все-таки представляет интерес и явно имеет отношение к политике: «...сделать всех фетов гоплитами» (Antiph. fr. 61 Blass – Thalheim). Феты – члены низшего из четырех солоновских имущественных классов, то есть самые бедные граждане – обычно не являлись гоплитами, а служили в рядах легковооруженных и особенно гребцами во флоте. В речи, стало быть, говорилось о какой-то радикально-демократической инициативе

Филина, долженствовавшей снискать ему благоволение со стороны неимущей массы и тем самым расширить его потенциальный «электорат».

Здесь следует отметить, что в Афинах последней трети V в. до н. э. существовали два противостоящих друг другу понимания демократии: как власти всех граждан, являющихся равными, и как власти бедноты, даже власти черни, которая притесняет знатных и богатых [Joусе 2022, р. 40–41]⁴. Первой из этих трактовок придерживались, естественно, сторонники демократии (см. прежде всего «Надгробную речь Перикла», Thuc. II. 35–46), второй же – ее противники. Весьма характерен в данном плане знаменитый политический памфлет 420-х гг. до н. э. – «Афинская полития» псевдо-Ксенофонта, или «Старого олигарха» [Marr, Rhodes 2015], который уже начинается словами: «Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав его себе, они тем самым избрали такой порядок, *чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным* (курсив наш. – И. С.)» (Ps.-Xen. Ath. pol. 1. 1).

Несомненно, под этими словами подписался бы и Антифонт. Сам он был богат (профессии как логографа, так и софиста являлись весьма прибыльными) и, более того, любил богатство и те блага, которые оно дает. Интересны сохраненные Ксенофонтом споры Антифонта с бессребреником Сократом (Xen. Mem. I. 6). Первый упрекает второго в том, что тот, занимаясь философией, при этом живет очень скудно, ест плохо, одевается бедно. Один из ключевых аргументов: «Денег (с учеников. – И. С.) ты не берешь, а они доставляют радость, когда их приобретаешь, а когда владеешь ими, дают возможность жить и приличнее, и приятнее». В ответ на это Сократ произносит длинную речь, главное содержание которой – оправдание его пренебрежения материальной стороной жизни. Заключительным аккордом рассуждений философа звучат слова: «Похоже, Антифонт, что ты видишь счастье в роскошной, дорого стоящей жизни; а по моему мнению, не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные – это быть очень близким к божеству; но божество совершенно, а быть очень близким к божеству – это быть очень близким к совершенству».

В другом споре с Сократом (там же у Ксенофонта) Антифонт, если так можно выразиться, бьет в ту же точку, но с другого при-

⁴ Соответственно, в двойном смысле понималась и исходная лексема δῆμος. Наиболее детальный анализ значений этого термина см.: [Hansen 2010].

цела: раз Сократ не берет денег со своих учеников, значит, он сам ни во что не ставит свои знания. Ведь бесплатно отдают только то, что действительно ничего не стоит. Сократ отвечает: «Кто продает свои знания за деньги кому угодно, тех обзывают софистами; а кто, заметив в человеке хорошие способности, учит его всему хорошему, что знает, и делает своим другом, про того мы думаем, что он поступает, как следует доброму гражданину». Сам Антифонт, естественно, брал со своих учеников плату, причем явно считал это вопросом принципиальным – не случайно он, как видим, снова и снова обращался к нему в беседах с Сократом. Последний, судя по всему, представлялся Антифону неким нарушителем «корпоративной этики», поскольку беседовал с обучаемыми, не заводя речь о деньгах, и Антифонта это откровенно раздражало.

Итак, в антидемократической антитезе «чернь – достойные люди» интересующий нас автор, как видно из всего, был на стороне последних. Возвращаясь к речи «Против Филина», укажем еще: Антифонт, по свидетельству его ученика Фукидида⁵ (Thuc. VIII. 68. 1), вплоть до олигархического переворота 411 г. до н. э. оставался фигурой чисто кулуарной, не занимаясь публичной политической деятельностью, не выступая с речами ни в народном собрании, ни в суде. Во всяком случае, по собственной инициативе: ясно, что он, как и любой гражданин, мог оказаться в роли обвиняемого (и, несомненно, оказывался, учитывая любовь афинян к тяжбам, как раз в этот самый период осмеянную Аристофаном в «Осах»), в каковом случае ему приходилось говорить на процессе в свою защиту.

Иными словами, велика вероятность того, что в наследии Антифонта были защитительные речи (апологии), написанные им для себя самого, но практически нулевой можно считать возможность того, что для себя он составлял обвинительные речи (категории). Речь «Против Филина» является обвинительной и, стало быть, писалась для кого-то другого. Для кого? Весьма соблазнительно предположить, что для того же самого политика, который выступал клиентом Антифонта в процессе о хоревете. Ведь тот, как констатировалось выше, как раз судился, помимо прочих, и с Филином.

Двинемся дальше. От последней (и оценивавшейся как лучшая) речи Антифонта «О перевороте» (она, напомним, точно датируется 411 г. до н. э.) тоже сохранилось несколько фрагментов, и один из них, достаточно пространный, весьма примечателен и даже парадоксален (Antiph. fr. 1a Blass – Thalheim, открыт на папирусе). Вот он:

⁵ Об Антифоне как учителе Фукидида см.: [Суриков 2023, с. 95–100].

«<Что же, я был избран>⁶ исполнять государственную должность, распоряжался большими деньгами, и мне предстоял отчет, которого я боялся? Или я был лишен гражданских прав? Или сделал вам что-нибудь дурное? Или боялся грозящего мне суда? Отнюдь нет, поскольку ничего подобного со мной не было. А, может быть, вы отобрали у меня деньги? А, может быть, мои предки сделали что-то дурное, <и вы за это меня наказали?.. А многие для того>⁷ стремятся к свержению существующего государственного устройства и установлению какого-то иного, чтобы или за свои преступления ответ не держать, или за то, что сами претерпели, отомстить и при том никак не пострадать. Но и это всё ко мне не имело никакого отношения. Однако вот, обвинители говорят, что я и судебные речи составлял для других, и прибыль от того получал⁸. Так ведь при олигархии-то я бы так делать не мог! При <нашей> же демократии именно я – власть имущий, поскольку <владею> искусством слова. При олигархии я не мог рассчитывать ни на что достойное, а при демократии – на многое. Ну так пристало ли мне стремиться к олигархии? Что же, я, по-вашему, не способен это всё продумать, или я – единственный из афинян – не знаю, что для меня полезно?»

Обратим внимание, прежде всего, на то, что только в этом пассаже из всех текстов Антифонта, имеющих в нашем распоряжении, встречается само слово «олигархия». Но самое главное, бросающееся в глаза здесь – другое: оратор вообще отрицает – вопреки всякой очевидности, – что он является олигархом и противником демократии. Что же, с ним произошла внезапная метаморфоза? Этот вопрос заслуживал бы отдельного разбора, который осуществить в рамках данной статьи нет возможности – не позволяет лимит объема. Поэтому пока мы ограничимся несколькими краткими фразами.

Будучи после свержения режима Четырехсот отдан под суд, Антифонт не мог не понимать, что защищаться ему будет чрезвычайно трудно, поскольку всем известный факт его активнейшего участия в организации олигархического переворота, а потом в работе правительства, пришедшего к власти в его результате (в этом

⁶ В угловых скобках – восстановленные издателями плохо сохранившиеся фрагменты текста.

⁷ В этом месте текст особенно сильно испорчен, несколько строк утрачены. При частичном восстановлении (естественно, в известной мере условном, но общий смысл сказанного отражающем) комбинируем наиболее ценные догадки, высказывавшиеся в лучших из имеющихся изданий.

⁸ Имеется в виду занятие Антифонта ремеслом логографа.

правительстве наш герой был одним из лидеров, а после убийства Фриниха – даже, пожалуй, просто главным лидером) отрицать было никак нельзя. Тем не менее, как видно из вышеприведенного фрагмента, он все-таки старается опровергнуть обвинение. Против фактов Антифонт активно выставляет чрезвычайно популярный в античной риторике аргумент «от возможного и невозможного», доказывая, что у него не было никаких причин присоединиться к антидемократическому движению: демократия ничего дурного ему не сделала, более того, при этой политической системе у него, ввиду его риторической образованности, было больше возможностей процветать, чем при олигархии.

Верил ли он сам в то, что говорил? Вряд ли. Но, если вдуматься, никаких иных средств, кроме тех, к которым он прибегнул, у него ведь и не было. Да и в целом его дело было такого свойства, что можно было считать его заведомо проигранным. И действительно, хотя его речь «О перевороте» признавалась блистательной и просто лучшей из всех речей, какие на тот момент были произнесены в Греции (Thuc. VIII. 2), от смертного приговора она его не спасла.

Подведем итоги. В этической области Антифонт в раннем трактате «Об истине» высказал весьма нетрадиционные, даже эпатирующие своим цинизмом взгляды, но в позднейших сочинениях придерживался более консервативных воззрений. Что же касается его политической позиции, то по-настоящему демократической она, насколько нам представляется, никогда не была. Вычитывать убеждения демократа из фрагмента В44, – в частности из того его места, где говорится, что «по природе все рождены во всем подобными, и варвары, и эллины», вряд ли уместно: античная демократическая идеология отнюдь не включала представления о естественном равенстве всех людей. Нет, Антифонт был и оставался противником демократии и сторонником олигархии. В данном отношении его взгляды либо не менялись, либо он из более умеренного олигарха становился более радикальным – по мере того, как и сама афинская демократия после Перикла становилась более и более радикальной, обретая «охлакратический вектор».

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024 (<https://rscf.ru/project/23-28-00024/>).

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00024 (<https://rscf.ru/project/23-28-00024/>).

Литература

- Лурье 1925 – *Лурье С.Я.* Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М.: Голос труда, 1925. 160 с.
- Суриков 2002 – *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М.: ИВИ РАН, 2002. 308 с.
- Суриков 2004 – *Суриков И.Е.* Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2004. № 1 (3). С. 51–65.
- Суриков 2018 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты: Opuscula selecta II. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 760 с. (Studia historica)
- Суриков 2021 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: Механизмы политической жизни: Opuscula selecta III. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. 688 с. (Studia historica)
- Суриков 2023 – *Суриков И.Е.* Софисты и историописание в классической Греции // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения / Под ред. А.В. Махлаюка. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2023. С. 90–111.
- Туманс 2004 – *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ? // Вестник древней истории. 2004. № 3 (250). С. 14–27.
- Avery 1982 – *Avery H.* One Antiphon or two? // Hermes. 1982. Bd. 110. Hft. 2. S. 145–158.
- Dover 1950 – *Dover K.J.* The chronology of Antiphon's speeches // Classical Quarterly. 1950. Vol. 44. No. 1/2. P. 44–60.
- Freeman 1952 – *Freeman K.* The mystery of the *Choreutes* // Studies in honour of G. Norwood / Ed. by M.E. White. Toronto: University of Toronto Press, 1952. P. 85–94.
- Gagarin 2002 – *Gagarin M.* Antiphon the Athenian. Oratory, law, and justice in the age of the Sophists. Austin: University of Texas Press, 2002. XI, 222 p.
- Gagarin, MacDowell 1998 – *Gagarin M., MacDowell D.M.* Antiphon & Andocides. Austin: University of Texas Press, 1998. XXVII, 174 p.
- Grote 2001 – *Grote G.* A history of Greece. From the time of Solon to 403 B.C. L.; N.Y.: Routledge, 2001. XXXVIII, 978 p.
- Hansen 2010 – *Hansen M.H.* The concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2010. Vol. 50. P. 499–536.
- Heitsch 1980 – *Heitsch E.* Recht und Argumentation in Antiphons 6: Rede. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß. Wiesbaden: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1984. 68 S.

- Heitsch 1984 – *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden: Steiner, 1984. 129 S.
- Joyce 2022 – *Joyce C.J.* Amnesty and reconciliation in late 5th-century Athens. The rule of law under restored democracy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. XI, 259 p.
- Lavency 2007 – *Lavency M.* The written plea of the logographer // Oxford readings in the “Attic Orators” / Ed. by E. Carawan. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 3–26.
- Marr, Rhodes 2015 – *Marr J.L., Rhodes P.J.* The ‘Old Oligarch’. The constitution of the Athenians attributed to Xenophon. Oxford: Oxbow Books, 2015. XI, 178 p.
- Pendrick 2002 – *Pendrick G.* Antiphon the Sophist. The fragments. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 484 p.
- Raubitschek 1954 – *Raubitschek A.E.* Philinos // *Hesperia*. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71.
- Schindel 1979 – *Schindel U.* Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979. 41 S.
- Vanderpool 1952 – *Vanderpool E.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115.
- Wallace 1998 – *Wallace R.W.* The Sophists in Athens // *Democracy, empire, and the arts in 5th-century Athens* / Ed by K.A. Raafaub, D. Boedeker. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1998. P. 203–222.
- Wallace 2007 – *Wallace R.W.* Plato’s Sophists, intellectual history after 450, and Sokrates // *The Cambridge companion to the age of Pericles* / Ed. by L.J. Samons. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 215–237.

References

- Avery, H. (1982), “One Antiphon or two?” *Hermes*, Bd. 110, Hft. 2, SS. 145–158.
- Dover, K.J. (1950), “The chronology of Antiphon’s speeches”, *Classical Quarterly*, vol. 44, no. 1/2, pp. 44–60.
- Freeman, K. (1952), “The mystery of the *Choreutes*”, in White, M.E. (ed.), *Studies in honour of G. Norwood*, University of Toronto Press, Toronto, Canada, pp. 85–94.
- Gagarin, M. (2022), *Antiphon the Athenian. Oratory, law, and justice in the age of the Sophists*, University of Texas Press, Austin, Texas, USA.
- Gagarin, M. and MacDowell, D.M. (1998), *Antiphon & Andocides*, University of Texas Press, Austin, Texas, USA.
- Grote, G. (2001), *A history of Greece. From the time of Solon to 403 B.C.*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Hansen, M.H. (2010), “The concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in classical Athens”, *Greek, Roman and Byzantine Studies*, vol. 50, pp. 499–536.
- Heitsch, E. (1980), *Recht und Argumentation in Antiphons 6. Rede. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß*, Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Wiesbaden, Germany.

- Heitsch, E. (1984), *Antiphon aus Rhamnus*, Steiner, Wiesbaden, Germany.
- Joyce, C.J. (2022), *Amnesty and reconciliation in late 5th-century Athens. The rule of law under restored democracy*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Lavency, M. (2007), "The written plea of the logographer", in Carawan, E. (ed.), *Oxford readings in the "Attic Orators"*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 3–26.
- Lur'e, S.Ya. (1925), *Antiphon: tvorets drevneyshoi anarkhicheskoi sistemy* [Antiphon. The creator of the earliest anarchist system], Golos truda, Moscow, USSR.
- Marr, J.L. and Rhodes, P.J. (2015), *The 'Old Oligarch'. The constitution of the Athenians attributed to Xenophon*, Oxbow Books, Oxford, UK.
- Pendrick, G. (2002), *Antiphon the Sophist. The fragments*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Raubitschek, A.E. (1954), "Philinos", *Hesperia*, vol. 23, no. 1, pp. 68–71.
- Schindel, U. (1979), *Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Surikov, I.E. (2002), *Evolutsiya religioznogo soznaniya afinyan vo vtoroi polovine V veka do nashei ery: Sofokl, Evripid i Aristofan v ikh otnoshenii k traditsionnoi polisnoi religii* [Evolution of the Athenians' religious consciousness in the last half of the 5th century B.C.: Sophocles, Euripides and Aristophanes in their attitudes to the traditional polis religion], IVI RAN, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2004), "Ostraka and Athenian prosopography", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya*, vol. 3, no. 1, pp. 51–65.
- Surikov, I.E. (2018), *Antichnaya Gretsia: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty: Opuscula selecta II* [Antique Greece. State formation, political and legal institutions. Opuscula selecta II], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia. (*Studia historica*)
- Surikov, I.E. (2021), *Antichnaya Gretsia: Mekhanizmy politicheskoi zhizni: Opuscula selecta III* [Antique Greece. Machinery of political life. Opuscula selecta III], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia. (*Studia historica*)
- Surikov, I.E. (2023), "The Sophists and historical writing in the Classical Greece", in Makhilaiuk, A.V., ed., *Professor Evgenii Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedeniya* [Professor Evgeny Aleksandrovich Molev and topical issues of Graeco-Roman studies], Nizhegorodskii gosuniversitet, Nizhniy Novgorod, Russia, pp. 90–111.
- Tumans, H. (2004), "Pseudo-Xenophon, an 'Old Oligarch' or a democrat?", *Vestnik drevnei istorii*, vol. 250, no. 3, pp. 14–27.
- Vanderpool, E. (1952), "Kleophon", *Hesperia*, vol. 21, no. 2, pp. 114–115.
- Wallace, R.W. (1998), "The Sophists in Athens", in Raafaub, K.A. and Boedeker, D. (eds.), *Democracy, empire, and the arts in 5th-century Athens*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., USA, pp. 203–222.
- Wallace, R.W. (1998), "Plato's Sophists, intellectual history after 450, and Sokrates", in Samons, L.J. (ed.), *The Cambridge companion to the age of Pericles*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 215–237.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru